

— Что это еще за драгоценная невестка такая, которую нужно так холить и лелеять! — ворчала в дворике невестка Тун.

Сначала она сетовала на небо и землю, кляла свою горькую судьбу. Затем переключилась на всё вокруг: ругала семейство Тун за бестолковость, бранила весь дом за никчемность. А под конец перешла к намекам, суть которых сводилась к одному: все мужики в этом доме — дармоеды, только и умеют, что зря переводить харчи!

Четвертый день стал пределом её терпения. Больше она молчать не могла.

— А ну, парень, не притворяешься ли ты больным, чтобы на халяву кормиться? Решил за мой счет пожить? Поспрашивай вокруг: в молодости меня звали Острой Перчинкой, я себя в обиду не дам!

Выпалив всё это на одном дыхании, невестка Тун ворвалась в комнату и сдернула одеяло со Сюй Чжуня. Хотя тот и был готов к тому, что в древности люди не особо заморачивались приличиями, смириться с тем, что женщина бесцеремонно срывает с него одеяло, он не мог.

Он ведь лежал совершенно голый! И вовсе не потому, что любил спать нагишом, просто этот ребенок-переросток каждую ночь буквально рожал детей! Семейство у них совсем безумное, голова уже кругом шла.

Не знаю насчет Перчинки, но от того, как у тебя лицо перекошило, ты больше похожа на сушеный стручок, — мысленно огрызнулся Сюй Чжунь.

Впрочем, под чужой крышей приходится гнуть спину. Как-никак, именно благодаря заботе этих людей он выкарабкался с того света. Его собственная одежда давно превратилась в лохмотья, поэтому Тун Сю нарезала старых вещей и сшила ему подобие нательного белья. Что же до верхней одежды, то за неё стоило поблагодарить дядюшку Туна: пусть куртка и была маловата на его рост метр шестьдесят, Тун Сю проявила смекалку, добавила ваты из старых запасов, и получилось кое-как пригодное для носки пальтишко.

Закутавшись в обновку, Сюй Чжунь, опираясь на свой недавний трофей — деревянную палку, — поднялся с постели. Невестка Тун стояла во дворе, указывая на огромную охапку свиного корма.

— А ну, марш резать корм для свиней!

Соблюдая негласное правило: кто ест чужой хлеб, тот не перечит, Сюй Чжунь без лишних слов взвалил охапку на плечо. Короткая куртка при этом задралась, обнажая исхудавшую талию.

— Тьфу! Даже охапку корма поднять не можешь, приходится на плечо взваливать? — презрительно фыркнула невестка Тун. — Такой здоровенный лоб, а сил меньше, чем у бабы!

А сама про себя подумала: Ох, какая талия, какие ноги, какие плечи — всё такое крепкое, мышцы так и играют. Тут не то что десять, тут и двадцать му земли вспахать можно. Одно удовольствие смотреть.

Сердце невестки Тун забилося в предвкушении. Однако мускулистый невест-муж присел, сделал первый взмах ножом — и замер. Невестка Тун полюбовалась им немного, но вскоре заметила неладное:

— Эй, ты, парень! Только задницу от земли оторвал, а уже лениться вздумал? Думаешь, я слепая?

Она сглотнула слюну, готовясь разразиться новой порцией брани, но присевший, словно небольшая гора, невест-муж вдруг дрожащей рукой поднял палец. Одинокий средний палец упрямо торчал на фоне холодного ветра. По нему змейкой стекала алая струйка.

Лицо парня стало бледным, как бумага:

— Я... я порезал руку...

Затем, глухо ухнув, гора рухнула на землю. Сюй Чжунь потерял сознание!

Когда он очнулся от резкой боли в губах и жалобно простонал, оказалось, что ему до синяков сдавили область над верхней губой. Прямо перед его глазами были большие, полные слез глаза:

— Супруга, ты наконец очнулась! С тобой всё в порядке?

Сюй Чжунь был настолько ошарашен этим обращением, что искренне пожалел о своем раннем пробуждении. Невестка Тун, подбоченившись, стояла рядом и ворчала:

— И это называется мужчина? Упал в обморок, просто порезав корм?

Сюй Чжунь бессильно попытался оправдаться:

— Я не от усталости... у меня просто кровь из носа... то есть, я боюсь вида крови...

Невестка Тун скривила губы. Еще чего придумал — боязнь крови! Никогда о такой неженской прихоти не слышала. У ленивого всегда найдется отговорка.

— И у тебя еще хватает наглости говорить! — она была готова вцепиться ему в уши. — Велела корм порезать, а ты с первого же раза себя полоснул! Ни разу не видела такой никчемности!

Сюй Чжунь виновато опустил голову, признавая поражение. Он знал, что такое труд — когда учился, то сутками не спал, это было в порядке вещей. Но вот домашняя работа, готовка — к этому у него душа точно не лежала.

Тун Сю, видя, как тот покорно сносит нагоняй, а на его лице красуются кровавые следы от ногтей, почувствовал смесь сочувствия и неловкости. Он поспешно зачерпнул из печи горсть золы и потянулся к лицу парня.

Сюй Чжунь отпрянул:

— Ты что делаешь!

Тун Сю застыл на месте, растерянно держа золу в руках, и даже немного расстроился:

— У тебя под носом кожа содрана, если посыпать золой, кровь остановится...

Сюй Чжунь сдался. Мы что, кино снимаем? Упал, расшиб голову — и сразу исцелился от щепотки пепла?

— Не нужно, правда, я в порядке, — вежливо отказался он.

Шутки в сторону: и так область над губой распухла и посинела, он и без того стал похож на японского захватчика. Если еще и золой намазаться, то сходство станет стопроцентным. В каком бы теле он ни оказался, его дух оставался патриотичным, и он не желал иметь ничего общего с японскими оккупантами!

Тун Сю уныло отошел в сторону. Невестка Тун же продолжала смотреть на Сюй Чжуня с нескрываемой неприязнью.

— Ладно! — она с грохотом бросила перед ним тяжелое ведро. — Раз одна рука повреждена, вторая-то цела? Корм резать не умеешь, так хоть свиней покорми!

Сюй Чжунь одной рукой зажал нос, а другой подхватил ведро с не самым приятным содержимым. Но добравшись до свинарника, он понял, что запах ведра был еще вполне терпимым. Несмотря на то что Тун Сю каждое утро вычищал загон, вонь стояла такая...

Сюй Чжунь несколько раз подавился рвотными позывами, с трудом сдерживаясь, но, открыв дверь, так и не решился шагнуть внутрь. В этот момент из полумрака сарая на него уставились два глаза. Сюй Чжунь встретился взглядом с большеглазой свиньей.

— Хрю! — увидев знакомое ведро, свинья возбужденно зарыла копытами землю. Это движение заставило Сюй Чжуня насторожиться, но было поздно.

— Хрю!

Голодная до еды свинья рванула вперед, как стрела. Сюй Чжуня отшвырнуло от одного края двора к другому, а затем впечатало носом прямо в стену! Влажный свиной пяточок пробил тонкую ткань куртки, обдав его жаром. Но на душе у него было холодно, невыносимо холодно...

— Свинка, стой! — Тун Сю, рубивший дрова, бросил топор и бросился на помощь. Он ухватил свинью за уши, как за ручки, и та, хрюкнув, послушно отстранилась, шумно выдыхая воздух, и побежала на середину двора, недовольно вылизывая перевернутое ведро.

Невестка Тун, услышав шум, выбежала из дома и едва не лишилась чувств:

— Велела свинью покормить, а ты всё рассыпал? Она что, съесть тебя хотела? Чего ты бегаешь? Ростом с дверной столб, а боишься какой-то свиньи!

Град упреков обрушился на Сюй Чжуня, добавив еще один удар по его и без того потрясенному сердцу. Тун Сю поспешил сгладить углы:

— Ничего страшного, мама, свинья и с земли поест, просто грязнее будет, я потом уберу. Завтрак готов, пойдемте есть, а то остынет.

Невестка Тун сердито фыркнула и направилась на кухню. Тун Сю, опасаясь, что Сюй Чжунь расстроится, ласково взял его за руку и повел за собой.

— Супруга, вы ешьте, а я отнесу отцу миску, — сказал Тун Сю, подхватил еду и вышел за ворота.

<http://bllate.org/book/19375/1893802>